

Подписывайтесь на
наши социальные сети

Plato
Goes to China

Shadi Bartsch

Платон едет в Китай

Шади Бартш

Перевод с английского Максима Леоновича
под научной редакцией Алексея Маслова

Издательство АСТ
Москва

УДК 1(091)(510)
ББК 87.3(5Кит)
Б26

Shadi Bartsch
PLATO GOES TO CHINA

Все права защищены.

Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Печатается с разрешения Princeton University Press и Synopsis Literary Agency

Научный редактор — *Алексей Маслов*, профессор,
доктор исторических наук, директор Института стран
Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова.

Бартш, Шади.

Б26 Платон едет в Китай / Шади Бартш ; [перевод с английско-го М. А. Леонович]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 352 с. — (*Слово современной философии*).

ISBN 978-5-17-158709-3

Книга Шади Бартш «Платон едет в Китай» прослеживает удивительную судьбу греческой классики в Китае с XVII века до наших дней. Автор подробно рассматривает, как греческие тексты — от Платона и Аристотеля до Фукидида — становились материалом для построения идеологических моделей, начиная с переводов иезуитов и заканчивая современными университетскими дебатами.

Особое внимание уделяется переломному для истории Китая моменту конца XX века: после событий на площади Тяньаньмэнь классика перестает восприниматься как символ западных демократических ценностей и все чаще используется в националистическом ключе. Аристотель подвергается критике за «суеверие демократии», афинский гражданин объявляется «рабом полиса», а Платон неожиданно превращается в авторитет, чьи идеи «благородной лжи» и социальной иерархии оказываются востребованными. Соединяясь с конфуцианской традицией, античность обретает новые значения: справедливость читается через гармонию, рациональность — через этику.

Эта книга показывает, как античные тексты переписываются под задачи современности, становясь инструментами политических и культурных проектов.

УДК 1(091)(510)
ББК 87.3(5Кит)

ISBN 978-5-17-158709-3

Copyright © 2023 by Princeton University Press
© М. А. Леонович, перевод, 2024
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Введение. Древние греки в современном Китае	14
I. Почему древние греки?	14
II. Что с этого западу?	22
III. От «Мастера Ли» к Председателю Ци	25
1. Иезуиты и провидцы	34
I. Миссионеры с греческими чертами.	35
II. Аристотель и новая нация	47
III. К площади Тяньаньмэнь, но не обратно	62
2. Классики после репрессий	71
I. Фукидид предупреждает запад	76
II. Образцовая демократия Китая	85
III. Диссидент вторит прошлому	104
3. Мышление с опорой на благородную ложь Платона.	108
I. Справедливость в большом и малом	110
II. Не очень благородная ложь	113
III. Иерархия для народа	120
4. Рациональность и неудовлетворенность ею	134
I. Бездуховный запад	136
II. <i>Жэнь</i> занимает себе место	148
III. Прощание с бинарностью	150
5. Штраусовская интерлюдия	159
I. Пророки Штрауса	160
II. Эзотерический парадокс	174
6. Гармония для мира	181
I. Гармония содержит множества	182
II. Применения учения Конфуция	195
III. Чье это будет государство?	206
7. Мысли для настоящего	214
I. Классики	218
II. Культуры	220
III. Мифы	221
<i>Алексей Маслов. Античное зеркало китайской реальности</i> ..	229
Примечания	245
Библиография	297

Посвящается моей матери Лиле Сепехри Бартш

*Исфахан, Иран, 1939 – Рестон,
Вирджиния, 2021*

πολλῶν δ' ἀνθρώπων ἶδεν ἄστεα καὶ νόον ἔγνω

Многих людей города посетила она и обычаи видела

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга представляет собой переработанный и дополненный текст четырех лекций имени Чарльза Мартина, которые были прочитаны мной в Оберлинском колледже в 2018 году. Однако задолго до этого у меня возникла идея попробовать взглянуть на тексты из своей области — греческие и латинские произведения античной эпохи — со стороны, а не в рамках ведущих культур Западной Европы и Соединенных Штатов Америки. Толчком к данному исследованию послужило желание узнать, в чем именно заключается *своеобразие* отношения китайцев и их культуры к этим фундаментальным текстам, лежащим в основе западных концепций личности, гражданина, политики, рациональности и даже морали. Поскольку соответствующие нормы частично сформированы идеалами классической античности (особенно благодаря ее влиянию на Ренессанс и Просвещение), они всегда «имели смысл» для меня как философские категории, даже в тех случаях, когда я не вполне соглашалась с их содержанием. Мне хотелось вырваться из этой «зеркальной галереи» и увидеть, насколько *не* универсальны категории и допущения данной традиции. Как совершенно иная цивилизация со своими традициями, а именно Китай, интерпретирует древнегреческих классиков?

С первой проблемой я столкнулась почти сразу же: то, что китайцы писали о западной античности, они писали в основном (по крайней мере, в те времена, около десяти лет назад) на китайском. Таким образом, пролегоменом к этому проекту стало изучение северного диалекта китайского языка, который показался мне невероятно трудным, несмотря на знаком-

ство с рядом индоевропейских языков. Была и другая проблема: когда я начинала этот проект, китайские слова для обозначения таких личностей, как, например, Сократ, еще не вполне оформились в четкий набор символов (ханьцзы), что еще больше затрудняло исследование. Более того, за изучаемый мной период (примерно с 1890 по 2020 год) об античной традиции успело написать огромное множество видных китайских мыслителей, чьи мнения менялись не только от эпохи к эпохе, но иногда даже и в течение их собственной жизни. Я взвалила на свои плечи титаническую задачу, с которой мне ни за что не удалось бы справиться полностью¹.

Но зато меня ожидало несколько удивительных открытий. Первое из них заключалось в том, насколько важны оказались греческие классики в Китае, где их нередко читают как авторов, имеющих непосредственное отношение к китайской политике, правительству, культуре и этике современности. Второе состояло в том, что многие китайские мыслители опирались на эти древние тексты для обоснования своих широких обобщений о воображаемом «западе». Последним откровением стало то, что начиная с 1989 года (после «инцидента» на площади Тяньаньмэнь) в среде китайских интеллектуалов, идеологов и даже правительственных чиновников произошла концептуальная революция в плане их подхода к этим классическим текстам. Иначе говоря, я замечала не просто ряд незначительных изменений, а явные «до» и «после». Этот резкий поворот в отношении (он не коснулся диссидентов в изгнании и ученых на материке, не интересовавшихся политическими заявлениями) был удивительно важным в том смысле, что его основная цель — применение этих текстов для поддержки

китайских социалистических и конфуцианских идеалов — поддерживалась примерно в одном и том же духе на протяжении последних тридцати лет. Позвольте мне внести ясность: я не *критикую* то, что некоторые западные люди могли бы назвать «апроприацией» греческой политической и философской мысли, а скорее размышляю, иногда с удивлением, о различных китайских трактовках античности, с которыми я столкнулась, проводя свое исследование. Критика — неправильная реакция: мы должны понимать, что новые (и даже, если угодно, глобальные) интерпретации старых текстов укоренились в культурах и областях, воспринимаящих идеи и тексты иначе, чем их изначальная аудитория (которая, в свою очередь, тоже никогда не была монолитной). Это означает, что мое исследование трансформации некоторых аспектов классической античности «не ставит на первое место вопрос о том, является ли та или иная ссылка на *референтную культуру* правильной или неправильной» (как это осторожно формулируется в новой области «теории преобразований»)². Вопрос в том, *что представляет собой* то или иное прочтение?³ И что мы можем узнать из него о читателях, да и о самих себе тоже?

Здесь могут оказаться полезными несколько замечаний о моих методах в условиях обилия информации. Во-первых, хотя это исследование китайской реакции на классическую древнегреческую философию порой углубляется в детали, оно имеет широкий охват. Я цитирую мнения «институциональных специалистов по греко-римской античности» из китайских университетов, поскольку они преимущественно сотрудничают с другими учеными-классицистами за пределами Китая и занимаются дошедшей до нас критической литературой по классической античности⁴. Я исследо-

вала работы тех китайских ученых, которые поощряют общественный и идеологический отклик на античные тексты, влиятельны в широких кругах и заметны на публичной арене. Во-вторых, я постаралась добиться того, чтобы мои утверждения были репрезентативны для широкой читательской аудитории, и с этой целью обращала внимание на индексы цитирования в китайских базах данных, читала множество разного рода публикаций, а также заходила на сайты блогов и социальных сетей. Наконец, осознавая проблематичность сравнения двух совершенно разных культур, я, однако, не пыталась добавить что-либо к дискуссии о неадекватности бинарных категорий «запад» и «восток» для обозначения того хитросплетения стран и культур, которым является современный мир⁵. Тем не менее, поскольку я собираюсь использовать эти существительные применительно к конкретной теме Китая и западной античности, я надеюсь, что читатель простит мне обращение к этим терминам как к самым очевидным при упоминании моей темы⁶. В качестве своеобразного признания этой проблемы я не использую заглавные буквы в словах «запад» и «восток».

В стремлении написать книгу, которая вывела меня далеко за рамки моей обычной тематики (еще посмотрим, не уподобилась ли я при этом Икару), я опиралась на мнения многих ученых. Упомянуть здесь их имена — небольшая награда за их помощь. Во-первых, огромное спасибо моему любезному коллеге Хауну Сосси, который отвечал на мои бесконечные вопросы с неизменной улыбкой. Я признательна великому сэру Дж. Э. Р. Ллойдю за его академическую мысль и поддержку. Он написал для меня множество рекомендаций! Чжай Вэньтао из Гарвардского университета просмотрел всю рукопись, когда она была

готова, и исправил в ней многие досадные ошибки. Он также предложил мне свежий взгляд, будучи хорошо осведомленным как в китайской, так и в американской культуре. Мне помогли и многие другие собеседники, в том числе Николас Косс, Чжоу Ицзюнь, Чжан Лунси, Ян Хуан, Лю Цзиньюй, Лэн Вэйхуа, Хоу Цзюэ, Ли Ханьсун, Фан Кайчэн, Невилл Морли, Дэниел А. Белл, Леопольд Либ, У Цзясюнь и Джон Кирби. Я бы не смогла обойтись без моей аспирантки-исследовательницы Чжу Цзяьи и ценной помощи пары отважных и трудолюбивых магистрантов — Конни Чен и Генри Чжао. Мне даже посчастливилось познакомиться с тремя старшеклассниками, которые вызвались работать стажерами-исследователями, — это Эрик Ванг, Тони Чжоу и Мидо Санг. Удачи им!

Я очень рада, что мне помогли рецензенты издательства *Princeton University Press*, один из которых, Джеймс Хэнкинс из Гарвардского университета, предложил свой проницательный анализ. Я взяла интервью у Гань Яна (одного из персонажей книги) много лет назад, еще в начале работы над проектом, и хочу поблагодарить его за любезность. Лекции имени Чарльза Мартина в Оберлинском колледже дали мне возможность продумать окончательную форму книги, и я благодарю их отдел классической литературы за гостеприимство, а также своих слушателей (многие из которых китайцы) за их интересные и сложные вопросы. Мне также очень помогли Семинар по истории и теории в Осло, комментаторы на сайте *Academia.edu* и сотрудники Чикагского университета, Гарвардского университета и Центра Чикагского университета в Пекине. Наконец, большое спасибо моему опытному и трудолюбивому редактору Мишель Хокинс. Работать с этой рукописью было нелегко.

Позвольте мне также высказать несколько самокритичных слов. Я надеюсь, что эта небольшая книга лишь приоткрывает двери для различных исследований интерпретации западной античности в Китае. Ее рамки вынужденно узки: я не рассматриваю античные *литературные* произведения, такие как древнегреческая драма и другие формы поэзии. Кроме того, я не стану утверждать, что существует единая точка зрения или один стандартный метод интерпретации, с которыми китайские читатели подходят к западной классике, хотя я считаю, что существуют определенные тенденции. В конце концов, есть разные интерпретаторы таких текстов, но наиболее важные для этого проекта ученые публикуются в газетах, выступают по телевидению, публично дискутируют друг с другом, порождая аудиторию и последователей. Как я уже отмечала, некоторые из них отошли от своих взглядов 1980-х годов, приняв новую проправительственную точку зрения, и теперь транслируют свое мнение через изменившуюся интерпретацию классики. По всем этим причинам как сами ученые, так и их труды являются увлекательным объектом исследования⁷. Как говорит Фредрик Фэльман, темы, «обсуждаемые в китайских академических кругах, отражают состояние страны и наблюдаемые в ней тенденции не хуже, чем доклады о ее экономике и политике»⁸.

В заключение хочется добавить, что, хотя большую часть детства я провела в Азии, я также посещала европейские школы и американские университеты, и поэтому во многом являюсь представителем интеллектуальных и культурных традиций западного мира. Несмотря на десять лет изучения китайского языка (в том числе в двух университетах в Пекине и на Тайване), многочисленные поездки в разные части Китая

и погружение в китайский историю XX века, я никогда не стану китаянкой в культурном отношении и не пойму всех бесчисленных нюансов того, как их сложное прошлое влияет на их не менее сложное настоящее⁹. Эта книга — попытка британо-американского классциста, выросшего за пределами США, взглянуть на мир глазами другой культуры. Позвольте мне заранее извиниться: я буду делать ошибки, переоценивать некоторые вещи и недооценивать другие, выдвигать неверные предположения, делать обобщения там, где они неуместны, и наверняка процитирую какую-нибудь интернет-страницу, которая уже перестала существовать. До подводных камней еще надо добратся, а я уже разозлила некоторых ученых, о которых пишу¹⁰.

Предыдущие варианты третьей и четвертой глав публиковались в статьях, выходявших ранее. Я благодарю издательства *University of Chicago Press* и *Wiley-Blackwell* за разрешение использовать исправленные версии этих материалов. Очень часто оказывалось, что китайские статьи проще найти в интернете, где они часто воспроизведены без номеров страниц. Наконец, если не указано иное, то перевод с китайского является моим собственным.

Шади Бартиш
Чикаго, ноябрь 2021

ВВЕДЕНИЕ. ДРЕВНИЕ ГРЕКИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Широко кругом простирается небо вдали,
Но нету под небом ни пяди нецарской земли.
На всем берегу, что кругом омывает моря,
Повсюду на этой земле только слуги царя!

Бэйшань. *Шицзин*¹ («Канон стихов»)
[Ода о несправедливости,
пер. с китайского А. Штукина]

I. Почему древние греки?

Конечно, никаких древних греков ни в современном Китае, ни где-либо еще в наши дни нет. Но древние греки живы в Китае благодаря своим произведениям. За минувшее столетие философские и политические тексты западной античности, особенно древних Афин, вызвали активный интерес китайских интеллектуалов, журналистов, реформаторов и националистов. Поскольку Китай был закрыт для запада на протяжении большей части правления династий Мин и Цин, этот интерес возник немногим ранее полутора веков назад*. Только во второй половине XIX столетия китайские реформаторы и интеллектуалы, задавшись целью переосмыслить будущие возможности китайской нации, начали обращаться к работам западных

* Это не совсем так: Китай не был закрыт для путешественников, очень много иностранцев приходило в Китай, однако исследовательский и даже проповеднический интерес к этой стране был невелик. Китай в эпоху Цин до середины XIX в. действительно был закрыт для торговли иностранцев внутри Китая (можно было торговать только с палуб кораблей в портах, а также для поселения внутри страны). Тем не менее Русская духовная миссия была создана в Пекине в 1712–1714 гг., ее участники заложили основу российского и частичного мирового китаеведения задолго до официального «открытия страны». — *Прим. науч. ред.*

авторов по политической теории и философии. Как показано в этой книге, они сочли уместным заимствовать идеи не только из современных текстов, но и из произведений западной античности — трудов таких деятелей, как Платон, Аристотель, Фукидид и, в меньшей степени, римлян Цицерона и Вергилия. Эти древние мыслители заняли место рядом с Кантом, Ролзом, Монтескье, Руссо и другими².

Поворот китайцев к западным авторам в поисках вдохновения и направления социального и политического развития впервые произошел в годы кризиса и революции перед и после падения династии Цин в 1911 году. Совсем недавно началась вторая волна, совпавшая с ростом национализма и уверенности китайцев в себе³. Но эти два «поворота» не могли быть более не схожи меж собой. В последние десятилетия правления династии Цин и на заре недолго просуществовавшей новой республики классические произведения западной античности считались важными для научного и политического развития Китая, выбиравшегося из системы, весьма похожей на крепостное право. Статьи выдающихся интеллектуалов, таких как Лян Цичао, помогли распространить политические идеи античной Греции, которые легли в основу брошюнного династии вызова (Конфуций, тоже древний мудрец, обычно критиковался как сторонник иерархической династической системы). Сторонники общественных реформ даже полагали, что содержание этих текстов и развившиеся из них традиции способствовали завидному научному прогрессу запада, и эта идея широко обсуждалась в журнальных эссе и газетных статьях⁴.

В современном Китае произошел фундаментальный сдвиг. Западная классика снова стала темой разгово-